Бр. ф.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР — АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Проф. Г. Г. ПИСАРЕВСКИЙ

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ КУТУЗОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ФОНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН
Баку—1942

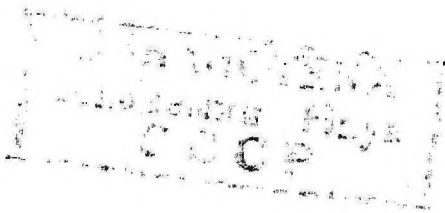
АКАДЕМИЯ НАУК СССР — АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ак от
3158

Проф. Г. Г. ПИСАРЕВСКИЙ

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ КУТУЗОВ

EB_1942_AKS_841



ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН
Баку — 1942

В дни великой Отечественной войны советского народа, когда рождаются великолепные советские полководцы и тысячи героев из рабочих и крестьян, встает перед нами мужественный образ великих русских полководцев и героев освободительных войн русского и других народов, населяющих ныне СССР. Приняв на себя почти целиком удар немецкой фашистской военной машины, славная Красная Армия сумела не только надломить эту машину и задержать наступающие гитлеровские полчища, но и перейти в контрнаступление на многих участках огромного фронта и очистить много советских городов и сел от немецких захватчиков. В этой труднейшей и огромнейшей войне, которую когда-либо знала история человечества, советские воины показывают чудеса геройства и отваги, вдохновляясь героизмом своих предков. Обращаясь к красноармейцам и командирам, участвовавшим в традиционном параде на Красной площади 7 ноября 1941 г. товарищ Сталин говорил:

„Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков—Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит Вас победоносное знамя великого Ленина!“

Русские полководцы вписали много славных страниц в Историю войн. Отечественная война 1812 года и ее бессмертный герой Кутузов уже занимают самое почетное место в освободительной борьбе народов, направленной против иноземных захватчиков и поработителей. Имя Кутузова олицетворяет гений и героику великого русского народа.

М. И. Кутузов родился 3 (14) сентября 1745 года в Петербурге. По своему социальному происхождению он принадлежал к среднему зажиточному дворянству. Его отец, Илларион Матвеевич Кутузов, начавший службу еще при Петре I, был известным военным инженером своего времени, и по его планам был прорыт в Петербурге Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова в Ленинграде). Как человек образованный, Илларион Матвеевич старался передать и сыну любовь к науке, труду и военному искусству. После домашнего образования Михаил Илларионович в 1759 году поступил в „Соединенную Артиллерийскую и Инженерную Дворянскую Школу“ в Петербурге, которую и окончил в 1761 году первым учеником, благодаря своему необычайному прилежанию и блестящим математическим и лингвистическим способностям. В ходе обучения он изучил французский, немецкий и английский языки, а потом легко усваивал языки тех народов, с которыми стал-

кивался во время своей служебной карьеры: знал языки турецкий, шведский и польский. Но особенно любил будущий полководец математику, и еще будучи учеником школы, был сделан помощником ее преподавателей, своих учителей, обучая младших своих товарищей арифметике и геометрии.

В деле формирования характера будущего знаменитого полководца огромное значение имело назначение его через некоторое время по окончании школы командиром роты в Астраханский полк, которым командовал тогда гениальный Суворов.

Необычные для того времени картины быта и военного обучения увидел Кутузов в Астраханском полку. Здесь не били солдата, не обворовывали его в пище и одежде. В деле военного обучения здесь выправке, муштре солдата для смотров и парадов отводилось самое последнее место. Главной своей задачей Суворов ставил подготовку солдат к войне, воспитание в них боевого духа, выносливости, уменья найтись, ориентироваться в любой обстановке. Полк часто поднимали по тревоге ночью, и командир вел его сначала по проезжей дороге, потом сворачивал в сторону, вел по нетронутой целине, через лес, болота, заставлял переправляться через

реки в любое время года, в любые часы суток и при всякой погоде; учил солдат штыковому бою и искусству строить укрепления. Как командиру роты, Кутузову во главе ее приходилось бросаться в штыки на другие роты, чтобы прорваться через их строй, зная, что и они не пропустят, не отступят. При штыковой атаке Суворов не позволял наступающим ни на секунду задерживаться, а отражающим отойти ни на шаг, как бы силен ни был удар, и только в последнее мгновение разрешал поднять вверх штыки, чтобы солдаты не поранили друг друга в готовой начаться отчаянной схватке. Солдаты приучались выдерживать атаки мчавшейся в карьер кавалерии с саблями наголо, лишь в последний момент размыкая строй, чтобы пропустить кавалеристов. К бою приучались не только люди, но и лошади, изумительную память которых Суворов использовал в боевых целях. Позади атакуемого кавалерией строя пехоты Суворов ставил лукошки с овсом, и лошади стремились прорваться сквозь строй, чтобы получить ожидающее их поощрение.

Обучая солдат строить укрепления, Суворов приучал их к штурму последних. Конечно, не легка была эта выучка, но Суворов строго держался своего правила: „тяжело в ученьи,

легко в бою". Кутузов твердо усвоил это правило своего учителя и никогда от него не отступал.

Кончив ученье и маневры, Суворов подстилал плащ и отдыхал вместе с солдатами у бивуачного огня, ел из солдатского котла и коротал ночь в разговорах с солдатами об их горестях и радостях, шутил, сыпал прибаутками.

В свободное от военных занятий время Суворов занимался обучением солдатских детей, устроил для них школу, сам составил для них букварь и задачник.

Наблюдая Суворова, как командира, Кутузов понял, за что его любят солдаты, почему готовы итти за ним в огонь и в воду, понял и то, что они могут сокрушить любого врага, ибо проходят такую выучку, какая не имеет себе равной ни в других полках русской армии, ни в армиях иностранных держав.

Суворов заметил талантливого ротного командира и приблизил его к себе. Он рассказывал Кутузову о себе, как пришлось ему тянуть лямку солдата и унтер-офицера, говорил о своем участии в Семилетней войне, о том, что пресловутая прусская военная школа Фридриха II, годная для навербованной из

всякой сволочи прусской армии, ничего не может дать русской, что сила последней в русском солдате, которого лишь надо учить тому, чего требует война, „солдат же ученье любит, было бы с толком". Так учил и воспитывал Кутузова гениальный русский полководец. На этот раз недолго продолжалась их совместная служба, но через десятилетия боев и походов, через всю свою жизнь бережно пронес Кутузов заветы своего учителя и воплотил их в жизнь.

С 1764 года началось участие Кутузова в боевых действиях и походах русской армии и продолжалось почти сорок лет. За это время проявились его блестящие военные дарования, тонкий проницательный ум, неусыпная забота о солдатах и уменье заслужить их любовь, наконец, исключительное личное бесстрашие,— все, за что его так ценил Суворов.

В упомянутом 1764 году Кутузов добился перевода на польский фронт в действующую армию. Здесь со своей ротой он штурмовал окопы на берегу реки Овруч, сражался под стенами Варшавы, разбил отряд виленского воеводы Радзивила и принимал участие во многих других стычках на территории тогдашней Польши. Во время первой турецкой войны в 1770 году Кутузов был направлен в армию

Румянцева, сражавшегося с турками на Дунае. Здесь, помимо упомянутых выше качеств, Кутузов обнаружил незаурядные способности штабного офицера. Генеральный штаб только складывался в русской армии в эти годы, и Кутузов оказался одним из первых ее генштабистов. Когда в 1771 году сорокатысячная турецкая армия, двинувшись к Бухаресту, угрожала коммуникации армии Румянцева, Кутузову была поручена рекогносцировка местности и разведка противника. Выполнив поручение, Кутузов выбрал наиболее выгодные пути для наступления. На основании собранных им сведений был составлен план сражения при Попештах, в котором турецкая армия понесла тяжелое поражение.

Пребывание в Дунайской армии под начальством П. А. Румянцева, обладавшего большим стратегическим и тактическим талантом, имело важное воспитательное и образовательное значение для будущего знаменитого русского полководца. Румянцев первый в русской армии изучил дунайский театр войны, первый стал приспособлять свои действия к местным условиям края, занятого разноплеменным населением, далекого от баз снабжения и от районов пополнения армии свежими войсками.

Кутузов учился у Румянцева не только ис-

кусству наступления и правильной оценке местности и сил неприятеля. „Стою непременно на том правиле", поучал Румянцев, „что, не обеспечивши надежно оставляемого за собой, большими шагами нельзя ступать вперед". Этот урок Румянцева Кутузов твердо запомнил, и характерной чертой его полководческого искусства стал отказ от огульного наступления.

Служба в Дунайской армии Румянцева дала Кутузову большой опыт в борьбе с турками, знание их тактики, их сильных и слабых сторон. Этот опыт он использовал и в этой первой и последующих войнах с ними.

Служба Кутузова в армии Румянцева продолжалась недолго.

Оставив Дунайскую армию, Кутузов поступил в Крымскую. Здесь он принял участие в штурме укреплений у Алушты. Со знаменем в руках, во главе солдат, он ворвался в укрепление: неприятель был выбит, весь лагерь с пушками и знаменами достался русским. Кутузов начал преследование отступавшего противника, но был тяжело ранен в голову. Пуля попала ему в левый висок и вышла около правого глаза, не задев мозга. 13 лет спустя, во вторую турецкую войну, в 1787 году при осаде Очакова Кутузов вторично был

тяжело ранен. Пуля пробила ему голову навылет почти в том же месте, что и при первом ранении. Врачи приговорили Кутузова к смерти, думая, что он не доживет до утра. Но он выжил. Один из лечивших его врачей писал: „Надобно думать, что провидение (судьба) сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна. Если бы такой случай передала нам история, мы сочли бы это басней. Но мы видим чудо, свершившееся над генералом Кутузовым".

После первого ранения у Алушты Кутузов отправился за границу лечиться. Он много путешествовал по Европе, долго жил в Лейдене, центре тогдашней учености, встречался с учеными, передовыми мыслителями и полководцами Европы.

По возвращении в Россию Кутузов направился в Крымскую армию, которой теперь командовал Суворов. Ученик и учитель снова встретились и на этот раз не расставались шесть лет. За эти годы Кутузов получил возможность продолжить свое прохождение суворовской школы обучения и воспитания войск. То, чему начало было положено в Астраханском полку, двадцать лет назад, теперь окрепло и превратилось в суворовскую „науку по-

беждать". Кутузов постигал важнейшие правила суворовской науки: „глазомер, быстрота, натиск", требовавшие от командира правильной оценки обстановки: „как в лагере стать, как итти, где атаковать, гнать и бить, примерного суждения о силах неприятельских для узнания его предприятий". Кутузов усваивал суворовское построение колонн для похода, организацию марша, отдыха, стремление к быстроте, ибо „победа зависит от ног, а руки ее довершают". „У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает", учил Суворов, развивший до совершенства искусство владения штыком и оставивший его в наследие русской армии: ни одна армия в мире не выдерживала штыкового удара русских солдат. „Пуля—дура, штык—молодец", говорил Суворов, потому что пуля тогда летела всего на 60—100 шагов. Но это правило Суворов дополнял другим: „Огни открывают победы". И он открывал свои сражения огнем, в особенности артиллерии и егерей, но завершал их штыковым ударом солдат, построенных в колонны. Все эти правила одухотворялись одним гениальным суворовским правилом, составлявшим революцию в военном искусстве: „Всяк воин свой маневр понимает". Это правило провозглашалось в эпоху, когда в Евро-

пе господствовала линейная система, при которой каждый шаг солдата находился под наблюдением офицера: разуму солдата там не доверяли. Суворов, наоборот, развивал инициативу русских солдат, поощрял их самодеятельность.

Эти новые веяния в области военного искусства, благодаря Суворову, основательно воспринял Кутузов, усвоив его наступательную стратегию, тактику и новые методы воспитания и обучения войск. Суворов оценил и полюбил Кутузова; по его ходатайству Кутузов был произведен в бригадиры, а потом в генерал-майоры.

Суворов воспитал лучшую в мире армию, а лучшими из лучших в ней были егеря. Когда из них стали формировать первые корпуса, командиром Бугского егерского корпуса был назначен лучший из суворовских учеников— Кутузов.

В 1787 году вспыхнула новая (вторая при Екатерине II) война с Турцией, и Кутузов принял в ней участие. Он участвовал со своими егерями в боях на Буге и Днестре и в штурме замка Хаджибей на месте нынешней Одессы. Всюду, и в полевом бою, и при взятии крепостей Бендеры и Аккерман, то с егерями, то во главе казацких отрядов, Кутузов, по свидетельству современников, „одерживал

поверхность". Но самым замечательным его подвигом в эту войну было участие в штурме и взятии крепости Измаила под руководством и начальством Суворова.

Перед штурмом к начальникам штурмующих колонн с последними указаниями были посланы Суворовым для связи офицеры, которым он об'яснил, что одному (из начальников) надо будет приказать, другому растолковать, Рибасу намекнуть, а Кутузову и говорить нет нужды—он сам все поймет.

Кутузов повел свою колонну к Килийским воротам, достиг рва, но колонна была остановлена сильным ружейным и артиллерийским огнем. Тогда, увлекая солдат личным примером, Кутузов повел их в ров и на штурм вала и бастиона. Турки осыпали их картечью, смельчаков, забравшихся на стену, сбрасывали вниз. Неся большие потери в солдатах, Кутузов обратился к Суворову за поддержкой, но получил ответ, что в Россию уже послано донесение о взятии Измаила, и что Кутузов назначен его комендантом. Тогда Кутузов, собрав гренадер Херсонского полка и егерей Бугского корпуса, повел их на бастион. Солдаты штыками проложили себе дорогу и ворвались в крепость. Началась уличная резня, в результате которой гарнизон Измаила почти

полностью был истреблен. Встретив Кутузова на площади Измаила, Суворов сказал, что „Суворов знает Кутузова, а Кутузов Суворова; если б крепость не взяли—Суворов умер бы под ее стенами и Кутузов также". Эта победа далась нелегко: тысячи убитых и раненых лежали во рву и на улицах Измаила. „Не было крепче крепости, обороны отчаянней, чем Измаил", сказал Суворов, „только раз в жизни можно пускаться на такой штурм". Представляя Кутузова к награде за победу, Суворов писал: „Кутузов шел на левом фланге, но был моей правой рукой". В военных действиях, продолжавшихся и после взятия Измаила, Кутузов, кроме присущих ему спокойствия и предусмотрительности, обнаружил выдающееся искусство маневрирования на фланги и тыл противника и замечательное упорство и решительность в атаке.

„Расторопность и решительность генерала Голенищева-Кутузова превосходит всякую мою похвалу", доносил о нем главнокомандующий Репнин.

Помимо военных дарований, Кутузов обладал и большими дипломатическими способностями. „Умен, умен, хитер, хитер,—никто его не обманет", говорил о нем Суворов. Используя эти качества Кутузова, правительство

EB_1942_AKS_841

Екатерины II назначило его в 1793 году на трудный пост посланника в Константинополе, где скрещивались противоречивые интересы европейских государств. Кутузову пришлось здесь бороться за право русских судов плавать по Черному морю, за свободный выход из него и за вовлечение Турции в орбиту русской политики. Кутузов с успехом выполнил поставленные ему задачи. Осенью 1794 года он был отозван из Константинополя и назначен сначала командующим войсками в Финляндии, а потом директором Кадетского корпуса, где он читал лекции по истории и впервые ввел преподавание тактики.

В 1801 году, при Александре I, Кутузов был назначен генерал-губернатором Петербурга, но пробыл в этой должности лишь около года. Александр был им недоволен „за неисправность в полицейской службе“. Уволенный в августе 1802 года „по прошению“, Кутузов уехал в свое именье Горошки, Волынской губернии, где и занялся сельским хозяйством. Самый талантливый ученик Суворова оказался не у дел, вне армии.

В Европе как раз в это время происходили важные события, к которым не могла остаться безучастной тогдашняя Россия. Вышедшая из великой буржуазной французской революции

французская республика и сменившая ее империя в своем аггрессивном натиске на соседние страны разносили по Европе семена нового социального строя и вызвали естественное противодействие со стороны старого порядка, главным представителем которого являлась Австрия. Так причины социально-политического характера создали для Франции врага в лице Австрии.

Еще более могущественные причины, экономические—старинное коммерческое соперничество, борьба за колонии и за господство над морскими торговыми путями—обусловили антагонизм между наполеоновской Францией, шедшей на поводу у своей крупной буржуазии, и крупнейшей морской державой мира—Англией. Эти два основных фактора в области международных отношений и определили собой все комбинации держав в начале XIX века, когда Александр I вступил на русский престол. Ему, следовательно, нужно было выбирать между Австрией и Англией, с одной стороны, и Францией, с другой; оставаться нейтральным он не мог, так как мирные отношения к Англии неизбежно вызывали борьбу с Францией.

Но Александру не долго приходилось ко-

лебаться в выборе союзников. Наполеон постепенно становился врагом России.

Россия начала XIX века, страна феодальная, не могла не быть союзницей феодальной Австрии. С Англией же связывали Россию самые прочные узы, узы материального интереса.

Между тем Наполеон, желая в угоду крупной французской буржуазии сломить вековое соперничество Англии, неуязвимой на море, и нанести ей решительный удар, задумал перенести военные действия на Британские острова. Собрана была большая французская армия у Булони, откуда громадная флотилия из мелких судов должна была переправить ее в Англию в ближайшую темную ночь. Таким образом, все внимание и все силы Наполеона были прикованы к западу, к Атлантическому океану. Этот момент казался необыкновенно удобным для того, чтобы вытеснить французов из средней Европы, и в 1805 году Англии удалось составить коалицию против Наполеона из Швеции, Австрии и России.

Во главе русской дипломатии в это время стоял поляк князь Адам Чарторыйский. Он настойчиво указывал Александру на то, что необходимо противопоставить завоевательной политике Наполеона политику, ставящую своей

целью охрану принципов законности и справедливости и возбуждение в Европе чувства солидарности и уважения к международному праву. Как первый шаг в этом направлении, по мнению Чарторыйского, должно было последовать восстановление Польского королевства в пределах 1772 года при условии династической унии с Россией. Мысль о восстановлении Польши отшатнула от коалиции Пруссию, которая боялась, что у нее в таком случае отнимут ее польские провинции.

По плану коалиции русская и австрийская армии должны были соединиться на Дунае и двинуться против французов. Александру приходилось выбрать теперь главнокомандующего для русской армии. Как за пять лет перед тем его отец Павел вынужден был просить опального Суворова взять на себя командование в итальянском походе, так теперь Александр обратился к нелюбимому им лично ученику Суворова—Кутузову: других лиц, которые бы с успехом могли взять на себя тяжелую борьбу с Наполеоном, у него не было.

Кутузов вступил в командование собранной на Волыни пятидесятитысячной русской армией, составлявшей только часть ставосьмидесятитысячной армии, которую хотел выставить Александр. Эту часть ее повел Кутузов

вглубь Европы навстречу французским войскам. Его учителю Суворову не удалось встретиться на боевом поприще с Наполеоном, чего он так страстно желал: этот жребий выпал на долю его любимого и талантливого ученика.

Коалиция против Наполеона очень скоро превратилась в единоборство русских и французов и притом при условиях, крайне невыгодных для первых. Английский десант на материк Европы высадился крайне поздно, шведская армия не имела ни артиллерии, ни кавалерии, ни обоза, австрийская же армия под начальством генерала Макка была разбита и взята в плен (8/20 октября 1805 года) прежде, чем успели подойти русские. Победоносное шествие Наполеона завершилось взятием Вены, после чего австрийцы утратили всякий интерес к войне. Положение армии Кутузова оказалось в высшей степени затруднительным: ей пришлось отступать перед тройными .силами французов; союзники австрийцы по обыкновению плохо исполняли свои обязательства, морили ее голодом, солдатам пришлось ходить без сапог, австрийский генеральный штаб составлял диспозиции крайне небрежно, неверно показывая расстояния, и совершенно не умел или не хотел хранить военные тайны, благодаря чему диспозиции союзников лучше были

известны Наполеону, чем союзным генералам.

Несмотря на все эти неблагоприятные условия, Кутузов закончил кампанию благополучно в стратегическом отношении: армия не была разбита тройными силами французов и могла благополучно отступить к границам России. С каждым днем, благодаря этому отступлению, соотношение сил двух армий изменялось в пользу русских и к невыгоде французов; первые получали все новые подкрепления, последние должны были отделять гарнизоны для охраны своей все более растягивавшейся операционной линии. Продолжая отступление, можно было совсем избежать генерального сражения с превосходными силами французов и выиграть время для того, чтобы путем дипломатических переговоров выйти из создавшегося для России трудного и нелепого положения. На это очевидно и рассчитывал Кутузов. Но прибытие Александра в лагерь под Ольмюцем (6/18 ноября 1805 г.) расстроило все расчеты Кутузова. Теперь уже не стратегические, а придворные соображения стали играть роль.

Тактика Кутузова оскорбляла тщеславие Александра, и дальнейшее отступление казалось позором. Лишив Кутузова всякой фактической

власти, царь оставил его номинально главнокомандующим, чтобы в случае поражения свалить всю вину на старика, а при удаче присвоить себе лавры победы.

Вопреки почтительным представлениям главнокомандующего о необходимости выжидательного образа действий, 15/27 ноября началось наступление союзной армии; войскам велено было итти в ногу, как на параде. Первая стычка у Вишау, в которой 56 эскадронов союзников прогнали 8 эскадронов французов, исполнила Александра и австрийских генералов самомнением и желанием дать генеральное сражение к великой радости Наполеона.

20 ноября (2 декабря) союзная армия решила дать сражение при Аустерлице в Моравии. Сражением руководил Вейротер при активном участии самого Александра. Накануне сражения, в глубокую ночь, русским солдатам запрещено было покидать строй и каждый лег там, где стоял. В глубоком молчании ожидали они утра, не зная, какая гроза собралась над ними. В туманное осеннее утро по рядам их пронеслась команда: „Вставай"! Армию подняли и повели в бой. Кутузов ехал во главе четвертой колонны, которой командовал австрийский генерал Коловрат.

Эта колонна была единственной, действиями которой Кутузов мог руководить. Она заняла находившиеся в центре поля сражения Праценские высоты. По диспозиции она должна была следовать дальше, но Кутузов ее здесь задержал. „Он верно оценил значение Праценской высоты и считал, что ее не следует легкомысленно оставлять. По меньшей мере русским главнокомандующим руководил в этом случае счастливый инстинкт, но, вероятно, что-либо и лучшее", писал об этом прусский военный историк Юстров. Кутузовым руководило в данном случае чувство местности, которым обладает всякий одаренный полководец, и понимание природы сражения и тактики врага.

Слева в болотистую равнину ушла уже половина армии под командованием Буксгевдена, чтобы обойти правый фланг Наполеона и отрезать ему путь к Вене. Обход этот армии Наполеона ничем не грозил, ибо для успеха нужен был огромный перевес сил, а союзная армия численностью не превышала французскую. Задуманный Вейротером обход был даже выгоден для французской армии, ибо союзная армия, покидая Праценские высоты, сама подставляла под удары французов свой фланг.

Вейротер все время требовал, чтобы Кутузов ушел с Праценских высот, так как оба императора (русский и австрийский) и австрийский генералитет полагали, что испуганный неожиданным ударом Наполеон будет обороняться на месте или позорно покинет поле боя. Но Кутузов не покинул Праценских высот и стал готовиться к бою.

Недовольный за это Кутузовым Александр прискакал на Праценские высоты, и между ним и Кутузовым произошел следующий диалог:

Александр: Михайло Ларионович! Почему не идете вперед?

Кутузов: Я поджидаю, чтобы все колонны пособрались.

Александр: Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!

Кутузов: Государь! Потому то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете...

Царь приказал и тем толкнул с высот четвертую колонну, а с ней всю русскую армию на погибель.

Дорого заплатили русские солдаты за удовольствие видеть своего государя на поле битвы; 21 тысяча их выбыла из строя, было потеряно 133 орудия и 30 знамен. Неудача, впро-

чем, не помешала Александру получить орден св. Георгия 4-ой степени „за личную свою храбрость".

В самое страшное время боя, будучи ранен в щеку и видя смерть своего зятя Тизенгаузена, Кутузов оставался спокоен; но когда увидел бегущих по Аустерлицкому полю солдат, то заплакал. Окружающие кричали ему, что он ранен, а старый полководец, указывая на бегущих, отвечал: „рана здесь".

После Аустерлицкого поражения Александр, и ранее не любивший Кутузова, теперь положительно его возненавидел. Отводя от себя вину за поражение, он впоследствии говорил: „я тогда был молод, а Кутузов не был достаточно настойчив в своих представлениях". Вот почему во второй войне с Наполеоном, которую Александр вел в союзе с Пруссией, Кутузов не принимал участия. Ее вели три немецких генерала—Беннигсен, Буксгевден и Кнорринг, от всей души ненавидевшие друг друга. Вражда между Буксгевденом и Беннигсеном доходила до того, что они жгли между собой мосты, чтобы не иметь никакого соприкосновения друг с другом. И на этот раз Александр не мог добиться победы. Кровопролитная битва при Прейсиш-Эйлау (27 января/8 февраля 1807 года) была нерешитель-

ной, а битва при Фридланде кончилась поражением русских, которым в сущности и теперь приходилось одним вести борьбу с Наполеоном. Да и рассчитывать на успех в этой борьбе не было никаких оснований. Во-первых, численный состав русской армии был явно недостаточен; во-вторых, запасов не было, подвоз был устроен плохо и приходилось поневоле жить за счет местного населения; вскоре все местные ресурсы иссякли, и армия стала голодать. В-третьих, командование было организовано неудовлетворительно, и главнокомандующий Беннигсен не стоял на должной высоте. Это был типичный наемник и казнокрад, человек мелочно самолюбивый, мнительный, боявшийся всякого рискованного шага и вдобавок больной каменной болезнью, которая порой доводила его до обмороков.

Неудача в этой второй войне принудила Александра согласиться на свидание с Наполеоном в Тильзите (13/25 июня 1807 г.), которое закончилось миром и союзом двух императоров. Россия получила по этому миру Белостокскую область, а из польских земель, принадлежавших, как и означенная область, Пруссии, было образовано герцогство Варшавское.

Союз с Францией налагал на Россию тяжелое обязательство. Завоевав Берлин, На-

полеон в этом городе 21 ноября 1806 года издал декрет, коим все британские острова об'являл в блокаде и строжайше запрещал всякие сношения с ними как французам, так и их союзникам. Этим было положено основание „континентальной системе". К ней должна была теперь примкнуть и Россия, что вызвало в ней сильнейшее раздражение высшего дворянства и нарождавшейся буржуазии.

Прекращение торговых сношений с Англией, как результат Тильзитского союза, сказалось сильным потрясением в русском народном хозяйстве, так как среди государств, с которыми Россия вела торговлю, Англия занимала первое место.

Если прекращение торговли с Англией всей своей тяжестью ложилось на высшее дворянство и сравнительно немногочисленное тогда купечество, затрагивая лишь часть крестьянства северо-западной окраины империи, где соль получалась из Англии, то повышение налогов почувствовали на себе все слои населения. Недовольство в России становилось всеобщим. „Россия наполнена недовольными", писал Карамзин, „жалуются в палатах и хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению; строго осуждают его цели и меры".

Оппозиционное настроение проявилось прежде всего в придворных кругах, среди высших представителей крупной землевладельческой аристократии, которая группировалась около императрицы матери (Марии, вдовы Павла I) и вдохновлялась английской дипломатией; потом оно распространилось на гвардейские полки и на армию, представительницу рядового дворянства. Заходила речь о насильственном устранении с престола Александра, о повторении того, что было сделано с императором Павлом; намечался и кандидат на престол в лице великой княжны Екатерины Павловны, которая, по мнению гвардейцев, должна была воскресить золотые для дворянства времена своей бабки, великой Екатерины.

Настроение купечества также не могло быть благоприятным для правительства, так как континентальная блокада разоряла торговлю, в особенности портовую, и банкротства следовали одно за другим. Цены на жизненные припасы удвоились и утроились, и городское население оказалось в безвыходном, отчаянном положении. Итак, союз с Наполеоном привел к упадку русскую экономику.

В этих обстоятельствах императору Александру поневоле пришлось делать отступления от строгого применения блокады, дозволять

привоз английских товаров под нейтральным флагом. До Наполеона стали доходить известия, что громадное количество кораблей, нагруженных английскими товарами, направляется к берегам Швеции, и оттуда товары мало заметными партиями перевозятся в Россию и расходятся не только по ней, но проникают в герцогство Варшавское, Австрию и Пруссию. Наполеон потребовал от Александра строгого преследования контрабанды и применения введенного во Франции нового тарифа на колониальные товары, но получил ответ, что „мы не можем шить себе одежду на ваш (французский) рост", и что „не следует вредить себе больше, чем врагу". Этот ответ приблизил давно подготовлявшуюся военную развязку создавшихся противоречий интересов двух стран.

Историки указывают и на ряд других причин войны 1812 года: на польскую политику Наполеона, на лишение им близкого родственника Александра герцога Ольденбургского его владений, на оскорбленное двукратным неудачным сватовством за русских великих княжен самолюбие Наполеона, на его личный характер, напоминавший то итальянского кондотьера, то римского императора времен упадка. Но все эти факты имеют второстепенный, производный характер и взятые сами по

себе вне воздействия экономического фактора не привели бы к разрыву.

Наиболее серьезные из приведенных фактов—это отношение Наполеона к Польше и Ольденбургское дело, чувствительно задевшее самолюбие Александра. Но Наполеон смотрел на Польшу только как на средство, как на орудие против России, а не как на цель. Что касается Ольденбургского дела, то по поводу его французский министр иностранных дел писал в ноябре 1811 года французскому послу в Петербурге Лористону буквально следующее: „говорю это для Вас одного: Ольденбургское дело не имеет значения ни для нас, ни для России,—вся суть в торговых интересах и континентальной системе".

Континентальная система была средством для сокрушения могущества Англии, без чего нельзя было создать мировой империи, к которой Наполеон стремился в интересах крупной французской буржуазии.

Континентальная блокада была выгодна для тех стран европейского материка, где обрабатывающая промышленность достигла известных успехов (Саксония, западная Германия, Бельгия, северная Италия), и, наоборот, разорительна для стран, живших вывозом сырья (Россия, Швеция, Пруссия). Примирить про-

тиворечие интересов не было возможности, и война сделалась неизбежной. Война эта справедливо получила название Отечественной, ибо ею решался теперь вопрос не о принуждении Александра к соблюдению континентальной системы, а о самом существовании России, как самостоятельного государства. Наполеон стремился к расчленению России, к проходу через ее территорию в Индию, эту „Ахиллесову пяту" Англии. Только тогда он надеялся сломить могущество Англии, неуязвимой на море, и достичь мирового господства. Самостоятельная Россия стояла Наполеону помехой на этом пути.

С начала 1812 года Наполеон стал двигать свои полки в восточную Германию. С мест стоянок полки выступали внезапно, глухой ночью, избегая проходить через большие города. Стремление облечь таинственностью передвижение армии доходило до того, что даже ад'ютанты или прислуга того или другого маршала, получившего командование частью армии, не знали, куда он направляется. В то же время намеренно распускались слухи о громадной численности французской армии. Делалось это с тою целью, чтобы поднять престиж императора в Германии, поддержать страх пред его могуществом и тем

EB_1942_AKS_841

обезопасить тыл его армии во время похода на Россию.

Как ни преувеличивали слухи численность наполеоновских полчищ, все же действительное соотношение сил двух армий, французской и русской, было таково, что не допускало и мысли о возможности наступательной войны со стороны Александра. Сам Наполеон определял впоследствии численность своих армий вместе с союзными войсками в 400 тысяч человек, а по подсчету военного историка Михайловского-Данилевского им было выставлено 477 тысяч человек. Между тем Александр мог сосредоточить на западной границе всего 200 тысяч, т. е. слишком вдвое менее. При таком соотношении сил оставалось единственно рассчитывать на то, что удастся постоянными отступлениями увлечь Наполеона вглубь страны и затяжной войной истощать его ресурсы.

Русский император прибыл в Вильну и ждал нападения; 12/24 июня 1812 года французы перешли Неман, значительно раньше, чем он рассчитывал. Известие о начале войны было получено Александром во время бала в замке Закрете под Вильной ночью 16/28 июня. Оно сильно взволновало русского императора, но он не дал почувствовать присутствующим гря-

дущей опасности, бал продолжался, и все казались веселыми и довольными.

Когда разразилась гроза 1812 года, дело с командованием в русской армии обстояло плохо. В 1806 году Наполеону удалось втравить Турцию в войну с Россией, продолжавшуюся до 1812 года. Чтобы покончить с этой войной, Александр, несмотря на личную неприязнь к Кутузову, вынужден был поручить ему, как лучшему знатоку турецкого театра войны, турецкой тактики и политики, завершение войны и заключение мира. Мир был заключен в Бухаресте в 1812 году. Заключением мира с Турцией Кутузов оказал своему отечеству большую услугу, так как теперь освобождалась для готовившейся войны с Наполеоном действовавшая в Молдавии армия в 60 тысяч человек. Наполеон был взбешен военным и дипломатическим успехом Кутузова и бранил турок „болванами". 12 мая 1812 года Кутузов в Бухаресте обратился к солдатам с приказом, в котором в теплых словах благодарил их за совершенные подвиги и прощался с ними, так как всегда им недовольный Александр поручил командование Чичагову. Таким образом, когда формировались войска для отпора Наполеону, Кутузова не было в Петербурге. Да если бы он там и

находился, Александр все равно главкомандующим его не назначил бы.

В момент вторжения французов русская военная сила разделялась на три армии, не об'единенные общим командованием.

Первая армия под начальством Барклая де Толли с главной квартирой в Вильне состояла приблизительно из 125 тысяч человек; согласно плану, выработанному прусским стратегом Фуллем, она должна была, обороняясь против главных сил наступавшего неприятеля в особых укрепленных лагерях, постепенно отступать вглубь страны, увлекая туда Наполеона и опустошая отдаваемую ему территорию. Вторая армия под начальством Багратиона с главной квартирой в Волковыске состояла из 80 тысяч человек и имела задачей беспокоить и обессиливать Наполеона нападениями на его фланги и тыл, но ей пришлось почти половину своего состава отдать в третью армию под начальством Тормасова, которая должна была охранять юго-западную границу против австрийцев, наступавших под начальством кн. Шварценберга. Сам Барклай вынужден был выделить из первой армии особый корпус под начальством Витгенштейна для защиты Петербурга. Таким образом, силы первых двух армий оказались

слишком ослабленными для того, чтобы выполнить план Фулля.

Наполеон сейчас же понял ошибочность этого плана, дробившего главные русские силы на две армии, и начал обходить Багратиона, сказав: „Теперь Барклай и Багратион никогда более не увидятся". Но в начале кампании, как потом и в ее конце, сама природа пришла на помощь русским; проливные, почти тропические дожди испортили дороги, обратив их почти в сплошной кисель. Обозы застревали в грязи, лошади, которых кормили зеленой травой и только-что скошенным овсом, не выдерживали тяжести пути и падали тысячами: в несколько дней издохло до 10.000 голов. Не получая всего необходимого, французы голодали и грабили белорусское и литовское население, которое поэтому бежало от них в леса.

В то же время русские военачальники поняли ошибочность разделения сил и стали стремиться к соединению армий. Это соединение состоялось только под Смоленском 22 июля. Но тут возникло новое затруднение для успешного ведения военных действий русскими, так как никто не знал, кому принадлежит главное командование армией: Багратион был старше по службе, а Барклай старше, как

военный министр, и притом оба они ненавидели друг друга и не скрывали этой ненависти. Багратион подчинился Барклаю, но ладить с ним осторожному шотландцу было нелегко. „Никогда главнокомандующий какой-либо армией не находился в столь неприятном положении, как я в сие время", писал впоследствии Барклай Александру.

Таким образом, наступая, чего требовал теперь от него Александр и на чем настаивал Багратион, Барклай рисковал разгромом армии, в коем был уверен, а отступая — оказывался ославленным, как изменник: поневоле некоторое время ему пришлось „делать шаг на месте", а потом даже сделать осторожную попытку к наступлению.

Тем временем Наполеон, не успев помешать соединению русских армий, решил отрезать соединенную армию от резервной армии Тормасова и оттеснить от южных, а если возможно, то и от центральных губерний, заставив ее направиться к северо-востоку или даже к северу. Но упорные бои под Смоленском, окончившиеся обращением его в груду развалин, и бой при Валутиной горе обрекли и эту попытку Наполеона на неудачу. Положение его в это время было не из легких. Армия, которую он теперь вел против России, не отличалась теми боевыми качествами, ко-

торые были проявлены его войсками под Аустерлицем.

После боев под Смоленском и при Валутиной горе в армии Наполеона осталось не более половины ее первоначального состава. Не раз являлась у Наполеона мысль остановиться и перезимовать в западных губерниях, но он отмахивался от нее, как от надоедливой мухи, а маршалу Бертье, ее поддерживавшему, сказал, что он „старая баба, которая боится итти вперед". Однако, августовские проливные дожди так испортили дороги и затруднили движение вперед, что Наполеон от Гжатска хотел уже повернуть обратно в Смоленск; но на беду его снова настали ясные дни и непреодолимо потянули вперед.

Тем временем на русской стороне произошли важные события.

Выражая готовность жертвовать имуществом и кровью на борьбу с врагом, русское общество негодовало на постоянное отступление армии, винило в этом Барклая и требовало его смены. Уступая давлению общественного мнения, Александр вынужден был на место непопулярного командующего назначить Кутузова, к которому лично питал злобу и недоверие. Узнав о назначении Кутузова главнокомандующим, Наполеон многозна-

чительно воскликнул: „О, эта старая лисица Севера!“ „Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав“, промолвил Кутузов о реплике Наполеона. В России однако находились люди, которые не верили в способность Кутузова справиться с Наполеоном. Рассказывают, что один из молодых его родственников насмешливо спросил Кутузова: „Неужели Вы, дядюшка, рассчитываете разбить Наполеона?“—„Разбить не надеюсь, а обмануть надеюсь“, отвечал Кутузов.

17/29 августа Кутузов прибыл в место стоянки русской армии Царево-Займище (под Гжатском). Весть о прибытии Кутузова к армии была восторженно встречена солдатской массой. „Приехал Кутузов бить французов“, говорили солдаты, а на следующий день скромно одетый Кутузов явился на донском иноходце перед войсками. Заметив, что солдаты, увидев главнокомандующего, стали суетиться, чиститься, строиться, он им сказал: „Не надо всего этого. Мне нужно посмотреть, здоровы ли вы, дети мои. Солдату в походе не до щегольства, ему нужно отдыхать после трудов и готовиться к победе“.

Об'ехав войска в сопровождении Барклая, сохранявшего по виду свое обычное хладнокровие, Кутузов одобрил его распоряжения

и нашел позиции при Цареве-Займище очень удобными для генерального сражения, которое, уступая общественному мнению, хотел было дать здесь Барклай. Но 19/31 августа новый главнокомандующий отдал неожиданный приказ о дальнейшем отступлении: повидимому он хотел выиграть время и дать возможность армии усилиться подкреплениями, которые подвигались к ней из разных губерний, независимо от корпуса Милорадовича в $15^1/_2$ тысяч человек, уже ожидавшего ее в Гжатске.

Отступая в течение трех дней, русские войска 22 августа (3 сентября) заняли позицию на берегах реки Колочи, притока Москва-реки, в окрестностях села Бородина и ждали неприятеля. Избранная позиция вовсе не была выгодна для обороняющейся стороны, какой являлась русская армия: она была мало доступна с правого фланга (у деревни Горки), а центр и левое крыло не были прикрыты никакой местной преградой; кроме того, левый фланг, опиравшийся на деревни Шевардино и Семеновское, легко подвергался обходу по старой Смоленской дороге. Ответственность за выбор неудобной позиции и опасное расположение на ней войск лежит на начальнике штаба Беннигсене, навязанном Кутузову

Александром, и на генерал-квартирмейстере Толе, которому Кутузов всецело доверял. Несмотря на все замеченные им недостатки выбранной позиции, Кутузов под давлением общественного мнения вынужден был остановиться, чтобы дать генеральное сражение, не нужное для русской армии, но весьма желательное для французской.

24 августа (5 сентября) французы достигли русской позиции и в тот же день, после упорного боя, заняли Шевардино, решив направить свой удар на центр и левый фланг.

День 25 августа прошел спокойно в приготовлениях к битве, а 26 августа (7 сентября) разыгралось знаменитое Бородинское сражение. Число русских солдат вместе с казаками и ополченцами доходило до 128 тысяч человек, французы же насчитывали в своих рядах около 140 тысяч; зато на стороне русских был перевес в артиллерии. Против 587 французских орудий они выставили 640 пушек, но это превосходство не могло быть в достаточной степени использовано русскими, вследствие смерти в самом начале боя начальника артиллерии графа Кутайсова.

Бородинский бой начался ранним утром и продолжался целый день. Левое крыло русской армии, находившееся под начальством

Багратиона, было оттеснено, а сам он получил смертельную рану; положение центра русской армии было критическим. Чтобы довершить победу, Наполеон послал в этот момент в бой свою молодую гвардию и резервную кавалерию. Но вдруг среди французов раздались крики: „Казаки! Казаки!..“ Это слово с ужасом произносили примчавшиеся к Наполеону на взмыленных конях ад'ютанты, и оно повергло в тревогу весь штаб. Дело в том, что Кутузов направил на левый фланг армии Наполеона и в ее тыл казаков и русскую регулярную кавалерию. Находившиеся на этом фланге французские войска были смяты и отошли. По свидетельству современников, наблюдавших Кутузова в день Бородинской битвы, все его распоряжения, несмотря на крайнее утомление, были удивительно целесообразны и соответствовали изменениям обстановки боя. Маршалы требовали у Наполеона, чтобы он пустил в бой свою старую гвардию, но он на это не решился, сказав: „Я не дам расстроить мою гвардию. В 800 лье (около 3000 верст) от Франции нельзя рисковать последним резервом“.

Бородинский бой не дал Наполеону победы. Потеряв до 50 тысяч человек, французская армия вынуждена была отойти от своих позиций.

Необычайная стойкость и мужество русского солдата в Бородинской битве, которую сам Наполеон называл самым ужасным и кровопролитным из всех данных им сражений, повергли французского полководца в нерешительность. Переночевав на месте сражения, русская армия могла в порядке продолжать отступление к Москве, выдерживая арьергардные бои с авангардом французов, которым командовал Мюрат. 1 (13) сентября русские войска подошли, наконец, к самой Москве, и в тот же день в деревне Фили состоялся военный совет под председательством Кутузова. Выяснив невыгодность занимаемой войсками в данный момент позиции, Кутузов поставил вопрос: „Ожидать ли нападения в невыгодной позиции, или уступить неприятелю Москву?“ Большинство генералов стояли за принятие боя, и только Барклай и Раевский считали нужным, ради сохранения армии, оставление столицы без боя. Выслушав мнения всех собравшихся, Кутузов, по рассказу Раевского, закончил совещание словами: „Я чувствую, что мне придется платить за разбитые горшки. Жертвую собой для блага отечества. Приказываю отступать“. Весь день 2 (14) сентября русская армия проходила через Москву, направляясь на рязанскую дорогу, и французы заняли древнюю столицу России.

Сразу же стало выясняться опасное здесь положение французской армии. Город был покинут жителями, и в нем от поджогов начались пожары, а между тем все противопожарные инструменты были предусмотрительно вывезены Растопчиным из Москвы. Наполеон сознавал всю затруднительность своего положения и делал несколько раз попытки завязать мирные переговоры; но Александр упорно стоял на том, что он не положит оружия до тех пор, пока хотя один неприятельский солдат останется в России.

Александр в данном случае имел в виду не только освобождение России от неприятеля, но полное сокрушение могущества Наполеона, уничтожение его империи. „Если хотеть мира прочного", говорил он, „то надо подписать его в Париже". В этом решении Александра нельзя усматривать ослепление личной ненавистью к Наполеону или подпадение под влияние окружавших его иностранцев: их мнения лишь поддерживали в нем раз принятое решение. Как тонкий дипломат, русский царь понимал, что Наполеон не может примириться со своим поражением и рано или поздно захочет взять реванш. Он сам говаривал, что положение его совсем другое, чем монарха, рожденного на престоле: последний после

ряда поражений может спокойно вернуться в столицу и царствовать, ему же необходимо побеждать и побеждать, чтобы чувствовать себя прочно на престоле. Вот почему слова Александра: „Наполеон или я, но вместе царствовать мы не можем“,—не были продуктом раздражения, а означали целую политическую программу.

Между тем пребывание в опустевшей и подвергающейся постоянным пожарам столице деморализующим образом отражалось на французской армии: слишком был велик для солдат соблазн, чтобы не воспользоваться оставленным москвичами и горевшим имуществом; солдаты обращались в грабителей, и среди них стало трудно поддерживать дисциплину, а союзные войска обратились просто в банды мародеров.

Началась партизанская война, которая лишила французов возможности производить фуражировки и реквизиции, бывшие единственными средствами содержания армии, так как русские запасные магазины были уничтожены, а своих французы не организовали. Надежды Наполеона на богатые московские запасы оказались обманчивыми, так как средняя полоса России жила тогда еще полунатуральным хозяйством, и Москва была более

населена потребителями—помещиками, чем производителями. Наполеон стал издавать прокламации, приглашавшие окрестных крестьян свозить свои припасы в город для продажи, причем обещал им полную личную и имущественную неприкосновенность. Но под Москвой все было опустошено, а в более дальних деревнях уже начиналась партизанская война со стороны озлобленного населения. Поневоле приходилось думать об оставлении Москвы и о выходе на зимние квартиры к югу или к западной границе.

Вечером 6 октября началось выступление французов из Москвы. Направление своего отступления Наполеон ставил в зависимость от того, удастся ему или нет обойти Кутузова: в первом случае он направился бы на Боровск, Малоярославец и Медынь, т. е. по территории, совершенно не тронутой войной, где можно было прокормиться местными средствами. Но этот маневр Наполеону не удался. Кутузов своим изумительным, широким стратегическим маршем-маневром, переходом с Рязанской дороги на Калужскую к Тарутину, преградил Наполеону путь в южные хлебородные и неопустошенные войной губернии России, и доступ к оружейным заводам Тулы, а также поставил под удар основную коммуни-

кацию Наполеона по Смоленской дороге. Это лишило Наполеона единственной возможности спасти свою армию.

Под Малоярославцем русская армия загородила ему дорогу, и произошло столкновение. Наполеон был здесь уже слабее русских, и после долгого колебания решил не давать генерального сражения и отступить на прежнюю опустошенную войной дорогу, по которой пришел в Москву. Беспорядочное отступление обремененной награбленным имуществом армии, голод и холод вследствие наступивших сильных морозов и в особенности широко развернувшаяся народная война, беспрестанные нападения партизан, казаков и регулярных армейских отрядов неизбежно вели Наполеона к катастрофе.

Около Вильны, в Сморгони, он покинул свои войска и ускакал в Париж, куда прибыл ночью 7/19 декабря. Русские войска по пятам следовали за французами. Преследуя неприятеля по снежным полям, в морозы и вьюги, они сами терпели невероятные лишения. Кутузов счел нужным обратиться к ним с призывом и словом ободрения: „После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых вами ежедневно и повсюду над неприятелем“, говорил он в своем обращении, „остается толь-

ко быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костьми его. И так мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, вьюги и морозы. Но вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь наша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научил сносить холод и голод, когда дело шло о победе и о славе русского народа".

Но требуя от солдат жертв, Кутузов делал все возможное, чтобы облегчить их положение. „Главнокомандующий для сбережения войск приказал располагать их на кантонир-квартирах", записал Толь приказ Кутузова. Солдаты были снабжены полушубками, хлебом, мясом и даже водкой, но снабжение иногда отставало от стремительно преследующих неприятеля отрядов.

В таких случаях Кутузов считал возможным умерять быстроту движения своих войск. „Ежели бы провианта или вина у меня недостало",

говорил он пленному французскому интенданту Пюибюску, „я бы тотчас остановился, заперся бы, и никто не посмел бы явиться перед моей армией... Ты видишь, что через каждые три дня я даю (солдатам) роздых. Вот как мы, северные варвары, сохраняем людей!“ Сохранение людей—это основная черта в поведении Кутузова во время отечественной войны. Он сам строго держался этого правила, предписывая исполнять его и своим подчиненным. „Голубчик, говорил он Ермолову, „будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях.“ Этой осторожной медлительностью Кутузов навлекал на себя гнев императора Александра, желавшего быстрых и громких побед над неприятелем, и без того уже обреченным на гибель. В этом образе действий у Суворовского ученика Кутузова проглядывает не только отеческая любовь и забота о солдате, но и глубокий политический смысл. России нужно было после победы предстать пред сохранившими свои армии европейскими государствами—Австрией, Пруссией и Англией во всеоружии своего могущества, чтобы не сделаться игрушкой в их руках.

Но заботы Кутузова о солдате не ограничивались только материальной стороной—по-

печением об его продовольствии, здоровье, сохранении его жизни, насколько это возможно на войне. Кутузов старался поднять дух бойца, его самосознание, возвысить солдата в его собственных глазах. Так однажды, после удачного боя, об'езжая расположенные на бивуаках войска, Кутузов появился перед стоянкой Семеновского полка в сопровождении генералов и гвардейских солдат, везших взятые у неприятеля знамена.

„Здравствуйте, молодцы Семеновцы", закричал Кутузов. „Поздравляю вас с новой победой над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры, нагните орлы (французские знамена) пониже. Пускай кланяются молодцам. Матвей Иванович Платов (атаман донских казаков) доносит мне, что сегодня взял 115 пушек и 15 генералов. Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не поверят: в Питере скажут—хвастают".

Далее, указав на недоверчивое и недоброжелательное отношение к себе петербургских властей (т. е. самого императора Александра), Кутузов продолжал: „Вот хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые

кресты в награду (что царь считал своим исключительным правом). Правда, и в этом я без вины виноват. Но ежели по совести разобрать, то теперь не только старый солдат, а последний ратник столько заслужил, что, осыпь их алмазами, и то они все еще не будут достаточно награждены". Ура спасителю России", закричали солдаты. Кутузов поднялся тогда на лавку и в свою очередь закричал в ответ: „Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату". И бросив вверх шапку, громко закричал: „Ура, ура, ура русскому солдату!"

Отечески относясь к солдату, в большинстве случаев бывшему крестьянину, Кутузов был близок и понятен и всей крестьянской массе. Окруженный тысячной толпой крестьян, он нередко вел с ней беседы о том, как вести партизанскую войну. В те дни ходила по рукам написанная знаменитым баснописцем Крыловым басня „Волк на псарне". Крылов волком изобразил Наполеона, а ловчим Кутузова. Однажды Кутузов прочитал эту басню крестьянам, и при чтении последних слов: „Ты сер, а я, приятель, сед" снял фуражку и показал свои седые волосы. Народ понял, какого волка призывает травить старый седой ловчий, и партизанские отряды Кутузовской армии не

давали покоя серому французскому волку—Наполеону.

Неустанно преследуя неприятеля, русские войска 2/14 декабря заняли уже Ковно (Каунас) на Немане, чем, собственно, и закончилось изгнание французов из России. Очень немногие из французских солдат перешли обратно русскую границу, а именно—не более 400 солдат старой гвардии и 600 гвардейской кавалерии, зато уцелела значительная часть офицерского и унтер-офицерского состава, что дало Наполеону необходимые кадры опытных начальников и руководителей для кампаний 1813 и 1814 годов.

Русская армия расположилась на отдых в Вильне. Когда она вступила в этот город, он представлял ужасное зрелище. Прибывшие в него 8/20 и 9/21 декабря 1812 года остатки французской армии сейчас же бросились грабить магазины и разбивать кабаки, многие опились или умерли от излишеств в пище после перенесенного голода. Город не имел никаких властей и не был укреплен, а главнокомандующий Мюрат совершенно потерял голову. Вдруг вечером 9/21 декабря распространилась весть, что приближаются Платовские казаки. В дезорганизованных французских войсках началась паника. Пришлось продолжать беспорядочное

отступление или вернее бежать при 36° морозе. Ожесточенное виленское население, в особенности мелкие торговцы и ремесленники, проявило по отношению в солдатам „великой армии“ величайшую свирепость. Раненых и больных убивали и трупы их сваливали в одну кучу с трупами тех, кого сгубили мороз, алкоголь и излишества. При вступлении русской армии в город, там валялось до 40.000 трупов, и Вильна представляла собой огромное место свалки мертвых тел.

Когда уже война фактически кончилась „за полным истреблением врага“, как выразился Кутузов, в Вильну прибыл Александр I. Кутузов встретил его с большими почестями, повергнув к его ногам десятки взятых у неприятеля знамен. Царь наградил его высшим боевым отличием русской армии—Георгием 1-ой степени. Но оба они—и царь и полководец—умевшие хитрить, оставались непримиримыми врагами.

Вражде Александра к Кутузову много содействовали окружавшие русского царя иностранцы, стремившиеся управлять ходом военных действий и направлять их в интересах, чуждых России.

Из состоявших на русской службе иностранцев генерал Беннигсен, уроженец Ганнове-

ра, навязанный Александром Кутузову в начальники штаба, вредил русскому главнокомандующему и неудачным выбором позиций и прямыми доносами на него царю. В конце концов Кутузов вынужден был устранить его от должности, а когда тот продолжал вмешиваться и посылать в штаб армии своего офицера, решительно заявил, что если последний еще раз там появится, то Беннигсен будет расстрелян.

По изгнании французов из пределов России, война была перенесена заграницу. 1/13 января 1813 года русские войска перешли границу под предводительством Кутузова.

Первые действия русской армии в пределах прусского королевства под предводительством Кутузова были цепью непрерывных побед и успехов. Обороняемый маршалом Макдональдом г. Кенигсберг был взят ночной атакой; без боя была занята Варшава; окруженный казаками, пал город-крепость Данциг. Десятками немецких и польских городов, в том числе Познанью и Калишем, овладела предводимая Кутузовым армия.

Кутузов вместе с тем обратился с „Воззванием к государям германским из русского стана". В нем Кутузов резко и беспощадно клеймил германских государей, которые трус-

ливо предавали интересы своего народа. Законной гордостью звучали его слова о том, что „нашелся на севере народ, не испугавшийся Наполеона, низвергнувший его могущество". Русские войска с восторгом были встречены населением Пруссии. Народ рукоплескал Кутузову, слышались приветственные возгласы: „Да здравствует великий старик"! Девушки бросали русским солдатам цветы.

Ведя русскую армию вперед, Кутузов занял Силезию, г. Лейпциг, принял ключи от крепости Торна. Но дни Кутузова были уже сочтены. В Силезии, недалеко от прусского города Бунцлау, в сырую погоду, при снегопаде, Кутузов однажды вылез из кареты и поехал верхом. Ослабленный тяжелыми походами, трудами и лишениями, старческий организм легко поддался простуде, и Кутузов слег. От русских солдат скрывали его болезнь. Молча, со слезами на глазах, стояли у дверей его комнаты часовые—ветераны его походов. Положение больного не улучшалось и вскоре стало безнадежным. 16/28 апреля 1813 года последовала его кончина. Тело его было отправлено в Россию и было погребено в Петербурге, в Казанском соборе. Там же, около этого собора, воздвигнут ему памятник.

EB_1942_AKS_841

***

В наши дни великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии во весь рост встает героический образ великого русского полководца Кутузова, сумевшего, благодаря своей гениальной стратегии, уничтожить „непобедимую" армию Наполеона и освободить свою родину от иноземных захватчиков. 130 лет тому назад русский народ победил великого завоевателя Наполеона и тем самым положил начало освобождению народов Европы. В деле разгрома Наполеона народы во многом были обязаны Кутузову.

Сейчас народы Советского Союза ведут героическую, невиданную в истории борьбу за свою независимость и свободу против гитлеровских полчищ. Великий русский народ в дружеской семье всех народов СССР уничтожит и теперешнего своего врага—гитлеризм, а народные массы выдвинут—и уже выдвигают своих Кутузовых, достойных имени великого полководца Михаила Кутузова.

Редактор *И. А. Гусейнов*

Подписано к печати 18/VI 1942 г. Печ. листов 1¾.
Тип. зн. в 1 печ. листе 39904. Авт. лист. 1¾.
ФГ7699. Заказ № 808. Тираж 4000.

Типография „Красный Восток" Азполиграфтреста НКМП. Баку, ул. Пионера, 80.

Цена 75 коп.

11299
Ак от
3158

ССРИ ЭЛМЛӘР АКАДЕМИЯСЫ—АЗӘРБАЙЧАН ФИЛИАЛЫ
ТАРИХ ИНСТИТУТУ

Проф. Г. Г. ПИСАРЕВСКИ

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ КУТУЗОВ

ЭААзФ НӘШРИЙЯТЫ
Баки — 1942

10/14
82-93.93